

Мои воспоминания о папе

Как же трудно передать словами чувства, ощущения, эмоции, пронизывающие всю мою жизнь и связанные с папой. Он очень многому научил меня, при этом его уроки были ненавязчивыми и практичными, и, как показала дальнейшая жизнь, глубокими и мудрыми. У него под крылом всегда было надёжно, спокойно и счастливо-беспечно. Его любви и терпения всегда хватало с лихвой, чтобы не осуждать, не ругать, какие бы ошибки я не совершала.

Помню, как на втором курсе я выбирала чемодан, руководствуясь единственным критерием, «чтобы не как у всех». А чаще всего в 1979 году покупали пластиковые чемоданы «мыльницы», я же выбрала кожаный чемодан с кантами, двумя защёлками и малиновой шёлковой подкладкой. Когда я приехала с ним домой, между защёлками зияла разъехавшаяся щель, так как конструкция не выдержала вес полного чемодана. В это же самое время родители купили маме для командировок пресловутый чемодан «мыльницу». Папа просто дал мне сравнить два чемодана, и я на практике уяснила, к чему приводит руководство ошибочными критериями.

Ещё один важный урок был преподан папой во время выпускных школьных экзаменов. В 1978 году при поступлении в Свердловский медицинский институт учитывали средний балл школьного аттестата, и если он был выше 4,5, то можно было сдавать 2 вступительных экзамена вместо 4-х. На последнем выпускном экзамене мои ответы на вопросы билета по истории вряд ли тянули на «отлично». Мама была в командировке, поэтому я рассказала папе, что от оценки по истории зависит средний балл моего аттестата: если будет «5», то получится 4,75, а если «4», то меньше. Выслушав меня, папа посоветовал: «А ты пойдёшь в школу и скажи директору о том, что тебе нужна пятёрка по истории. Они ведь твой балл аттестата не подсчитывали, и это ведь тебе надо, а не им». Я пришла в школу, когда директор и преподаватель истории ещё решали, какие кому поставить оценки в аттестат, и рассказала им о своей ситуации. На следующий день во время объявления оценок за последний экзамен, я с радостью услышала «Куропатенко – пять». С тех пор я твёрдо знаю, что окружающие люди не обязаны думать о решении моих проблем, даже, если они и могут помочь, но я сама могу сообщить им об этом, могу попросить их о помощи.

Этот урок помог мне позже попасть в списки жильцов жилищно-строительного кооператива «Медик-2», когда до подачи документов на утверждение в госорганы оставалось всего 2 дня. Узнав случайно, что среди врачей Ленинградской области завершается формирование списка будущих жильцов строящегося кооперативного дома во Всеволожске, я спросила, что надо сделать, чтобы попасть в их число. Мне ответили: написать заявление и подписать его у «четырёхугольника» – главного врача, парторга, профорга и председателя совета трудового коллектива. Обычно на сбор этих подписей уходило больше недели, но мне удалось собрать их всего за 2 дня, потому что я точно знала, что это надо мне, и, видя мою убеждённость, секретари и заместители помогали мне оперативно находить своих руководителей.

А потом приехал папа, мы обналичили в сбербанке сертификат с первым взносом на кооператив. Шёл 1988 год, и я помню удивлённо-смущённое выражение папиного лица, когда он признался, что никогда в жизни не держал в руках такую огромную сумму – пять тысяч

рублей. И вот уже больше 30 лет я живу в квартире, которой могло бы не быть, если бы не папин урок с оценкой за экзамен по истории, и не их с мамой финансовая помощь.

Многие папины уроки были связаны с природой. Очень хорошо помню, как он научил меня плавать. В Горках, где мы с Ирой проводили лето у папиных родителей, после завтрака мы всегда шли с дедушкой на речку загорать и купаться. В тот раз родители какое-то время были с нами, и на речку мы ходили с папой. Мне на руки надевали резиновые надувные нарукавники, и папа показывал, как плавать по-собачьи и более правильно – брассом. Так продолжалось несколько дней. И вот уже я сама плаваю в нарукавниках в воде, а папа с Ирой сидят на берегу и смеются. Я даже обиделась, ведь, вроде бы, все движения делаю правильно, а они смеются. Когда я вышла из воды, сердитая из-за их насмешек, они сознались, что, оказывается, папа уже второй день нарукавники не поддувает, и получается, что я уже умею плавать сама. Так постепенно, незаметно уменьшая поддув и своё присутствие в воде, папа научил меня плавать самостоятельно и получать от этого удовольствие.

Потом были поездки к морю и купание в озере Синара, и уроки в воде уже были иными: доплыть вместе до буйка, зная, что в любой момент можно положить руку папе на плечо и «доехать» до берега с поддержкой. Поддержка – это не когда сел на шею и утопил обоих, а когда рядом есть плечо, легко касаясь которого, ты чувствуешь уверенность в том, что всё будет хорошо. Это тоже был простой, но на всю жизнь запомнившийся урок.

Помню, как-то летним днём папа обратил мое внимание на муравьиную тропу, пересекавшую тротуар. Он сказал мне: «Положи свою ириску на эту тропу и посмотри, что будут делать муравьишки». Я так и поступила, и пока мы вместе с ним наблюдали за муравьиными действиями, папа рассказал, как устроена муравьиная семья. В итоге муравьёв собралась целая команда, и они таки смогли утащить ириску. Очень просто, очень наглядно, но уже в 6 лет понятно: там, где один бессилён, можно справиться сообща.

Зимой мы всей семьёй ходили на лыжах, причём папа торил лыжню по снежной целине, а мы топали за ним. Когда я уставала, папа останавливался, показывал следы зайца на снегу и давал нам по кусочку сахара. Или подъезжал к смолистой сосне и учил нас, как из смолы сделать хвойную жвачку. Солнце, сосновый лес, искрящийся снег и папа – волшебник – эта объёмная, цветная картинка запечатлелась в душе, как ощущение полного счастья!

А однажды летом папа помог мне прочувствовать полную гармонию с природой: раннее утро, мы рыбачим на озере, чуть колышется борт резиновой лодки, шуршат камыши, и вдруг всё в природе оживает, приветствуя восход солнца. Никаких слов папа не произносит, мы с ним молчим, но мы объединены друг с другом и со всей природой чувством полной гармонии...

У папы был абсолютный слух и очень приятный тембр голоса. Он часто в детстве пел нам песни на ночь, но самое раннее моё воспоминание о папином пении связано с санками. После прививки у меня болели уши, и боль проходила только тогда, когда папа возил меня дома на санках по красной ковровой дорожке и пел «По долинам и по взгорьям». Позже под эту же песню у него на руках или в кровати легко засыпали все внуки и правнуки.

Когда мы всей семьёй ездили на 21-ой «Волге» по Советскому Союзу, мама с папой в дороге часто пели, пели красиво, музыкально, репертуар был самым разнообразным, от хулиганских студенческих песен и популярных эстрадных до оперных арий. Пели они дружно и слаженно, и в машине царили покой и атмосфера безмятежности.

Папина надёжность распространялась не только на нас, помню, как зримо проявилось на практике папино умение решать любые проблемы спокойно, умиротворяя остальных во время одной из поездок в компании ещё с двумя семьями на 21-ых «Волгах». Наш путь лежал в Уфу, но то ли на карте, то ли в маршруте оказалась какая-то ошибка, и мы оказались в глухой башкирской деревеньке, где чёрный репродуктор на столбе был единственным средством связи с внешним миром. Ребятишки облепили наши машины, потому что впервые увидели легковые автомобили, отличные от ЗИЛов и ЗИСов. Взрослые с трудом нашли человека, кое-как говорившего по-русски, и стали, показывая ему карту, расспрашивать, куда же подевалась дорога на Уфу. В ответ им было сказано, что едем мы верно – «по большаку», и «большак» этот приведёт нас к Уфе.

Когда мы отъехали от деревни и остановились на взгорке подождать, пока папы пройдут вперёд и обследуют «большак», теряющийся в лесу, обеспокоенные мамы сильно волновались. У меня же в душе царили счастье и покой, ведь с нами папа, который ничего не боится, ориентируется в лесу без компаса и всё умеет. На склоне холма радугой переливался цветочный ковёр, летали большущие диковинные бабочки, сияло солнце – внешний и мой внутренний миры были в гармонии.

Первым по «большаку» поехал папа, с первого раза переезжавший размытые ручьями места дороги, которая представляла собой две глубокие колеи, проложенные самосвалами через мрачный лес. Ручьи встречались через каждые 200-500 метров. Папа, проехав ручей, останавливался и шёл настилать гать для двух оставшихся машин, водители которых так боялись засесть в грязи, что даже не пытались проехать сами. Каких-то четыре километра мы ехали до самого вечера. Все нервничали, устали, а мама с папой всех подбадривали и разряжали нервозность шутками.

У папы было тонкое чувство юмора и умение вдохновлять и объединять людей. У нас дома часто собирались их с мамой коллеги, и всегда на этих встречах была весёлая, дружная, жизнерадостная атмосфера. Взрослые играли в КВН, пели песни, шутили и смеялись. И тамадой всегда был папа. С самого детства мы с сестрой привыкли видеть взрослых, для которых общение было важнее выпивки. Я и теперь не понимаю, какой смысл приглашать компанию, если за столом нет единения, а все общаются с тем, кто рядом, и никого больше не слышно из-за громкой музыки, и никто не произносит умные тосты, не шутит и не поёт.

Вспомнив о тонком чувстве юмора папы, я по ассоциации вспомнила ещё один очень характерный штрих. Рабочие записи формул папа делал простым карандашом, и на его письменном столе всегда стоял стаканчик, из которого выглядывал веер простых карандашей, тонко заточенных с ювелирной аккуратностью. Процесс заточки карандашей острым перочинным ножиком по красоте, размеренности и точности движений напоминал медитацию перед началом работы. Схожее ощущение медитативности процесса возникало, когда папа точил кухонные ножи. У него под рукой всегда были два бруска: для грубой заточки и для тонкой доводки. Регулярно, проверив степень остроты ножа, папа доставал бруски и возвращал ножу должное состояние. Он и это делал аккуратно, точными размеренными движениями, и возникало чувство надёжности и основательности.

Мама, папа и две дочки, итого три женщины на одного мужчину, но ни одна из нас никогда не была обделена его вниманием. Папе демонстрировалась каждая обновка в надежде

на его одобрение. Порой он говорил, что ему не нравится, но чаще всего папино одобрение давало почувствовать себя прекрасной в новом наряде.

Такие проявления его мужской заботы и ответственности за нас, вроде бы, незначительные в своей обыденности, но они отражали главное – папа до последнего дня своей жизни работал и обеспечивал своей семье – жене, дочерям, а потом и внукам – поддержку и защищённость в нашем сложном мире. Ни в детстве, ни потом, став взрослыми, мы ни секунды не сомневались, что с любой сложной ситуацией мама с папой помогут справиться, если самостоятельно не получается.

Когда я решила, что хочу стать врачом, папа очень расстроился. Он рассказывал, что совсем скоро в медицине будет никуда без математики, что прогресс возможен только на основе знаний на стыке наук. И, конечно же, он оказался прав. Сейчас в своей работе мне очень не хватает владения математическим аппаратом и программированием. Но тогда, видя мою настойчивость, и поддавшись уговорам мамы, папа смирился с выбором медицины, и мы с ним поехали в Ленинград. Папа ходил со мной на все вступительные экзамены в Ленинградский педиатрический медицинский институт и ждал меня на скамейке перед аудиторией. Первым экзаменом было сочинение. Я не помню, на какую тему, но помню, что меня «посетило» философско-литературное вдохновение, и я исписала немало страниц, излагая свои мысли. Когда я пересказала папе содержание близко к тексту, мы решили, что единственно возможной оценкой за такое сочинение может быть только пятёрка. Через день нам объявляли оценки, и неожиданно для себя я услышала: «Куропатенко – удовлетворительно». Вышла я к папе в слезах разочарования, а он посоветовал узнать, за что же всё-таки поставили тройку. Я пришла в какой-то кабинет, попросила показать мне моё сочинение с отметкой и увидела: « $5+ / 2 = 3$ ». На полях было несколько пометок красным цветом. Увлёкшись содержанием, я не успела проверить грамотность перед сдачей сочинения в экзаменационную комиссию. Как же я была счастлива, что содержание всё-таки оценили на пять с плюсом! Если бы я не последовала папиному совету и не узнала, за что поставлена тройка, то могла бы на всю жизнь разувериться в себе и своих способностях к письменному изложению мыслей.

Ещё более значимым для меня был папин ответ на мой вопрос, зачем жить, рожать детей, если мир сошёл с ума и собирается рухнуть. Это было в начале 90-х годов XX века, когда исчезли продукты с прилавков магазинов, погасли уличные фонари, почти не работал общественный транспорт и по улицам было страшно ходить, в первую очередь, страшно за дочку. На экранах телевизоров в ярко освещённом зале депутаты дрались на заседаниях Думы, а на тёмных улицах Питера ежедневно кого-то взрывали, расстреливали, убивали. Всё это настолько подавляло, что у меня закрались сомнения в смысле жизни, и с этими мучительными сомнениями в состоянии психологического раздора я обратилась за советом к папе. Он очень уверенно и спокойно сказал мне: *«В человеческом социуме всегда что-то происходит, то мор, то война, то перестройка, то что-то ещё, и в эти сложные переломные моменты обнажается «изнанка», поднимает головы всякая нечисть, но... сложные времена, как приходят, так и проходят, а в жизни есть абсолютные ценности, которые всегда остаются неизменными. Ты – женщина, твоя задача – любить, рожать детей и растить их в любви. Если каждый на своём месте будет помнить о Главном и жить честно, то всё будет хорошо».*

Как же папа оказался прав! Наша жизнь постепенно восстановилась, в магазинах изобилие, работает транспорт, строятся всё новые дороги, вокруг чистота, у подъездов цветут цветы, и у меня уже взрослая дочка, которую любовь уберегла от бед в смутные времена. С тех пор при любых невзгодах, общественных или личных, я всегда помню тот разговор с папой, и твёрдо знаю, что даже, когда вокруг царит безнравственность и беззаконие, жируют мздоимцы и казнокрады, надо оставаться честным с самим собой, делать своё дело и верить в лучшее, ведь пока в наших сердцах живёт Любовь, Мир не рухнет.

О папиной гражданской позиции патриота своего Отечества помнят многие, ниже хочу рассказать о запечатлевшихся в моей памяти ярких картинок перестроечных лет.

Когда папа стал начальником математического отделения, помню, как за ужином он делился с мамой: *«Приходит ко мне сегодня уборщица и просит дать ей хотя бы кусок хозяйственного мыла, потому что мыть полы совсем нечем»*. В тот сложный перестроечный период подобные проблемы наряду с научными задачами ему приходилось решать ежедневно, ведь тогда даже зарплату сотрудникам выдавали карточками на хлеб. Когда при отделении разрешили создавать коммерческие структуры, я помню, как он опять же за ужином с радостью рассказывал, что в отделении появились деньги на материальную помощь нуждающимся, на ремонт зданий и на закупку новых компьютеров. Папе в принципе не были знакомы такие чувства, как алчность и жажда наживы, все его усилия были направлены на заботу о сотрудниках, на поддержание главного – ядерной тематики института.

Папа всегда был уверен в процветании Отечества, но при этом говорил: *«Пока Россия остаётся ядерной державой, она остаётся великой, но как только уберёшь слово ядерная из формулы «Россия – великая ядерная держава», то ни величия не станет, да и самой державы не останется – растащат по частям»*. И в своих действиях он всегда исходил из этой позиции, и все свои усилия он прилагал к сохранению и к развитию ядерного научного потенциала страны. Этим он сильно мешал «демократам-либералам» разваливать в перестроечные 90-е годы то, что ещё сохранялось во ВНИИТФ. Первый раз папу попытались удалить от дел, предложив ему место депутата от науки и пообещав перевезти в Москву все три наших семьи – помимо родителей ещё бабушку с дочкой-инвалидом и семью маминого брата. Папа отказался, и тогда спустя некоторое время, его за одну ночь лишили должности начальника отделения, да и само математическое отделение расформировали.

Любой другой человек, придя утром на работу и обнаружив катастрофическое изменение своего статуса, слёг бы с инфарктом, а, может, и не пережил бы своего внезапного низвержения. Я горжусь папой, потому что в этой ситуации он повёл себя героически. Он не погряз в обиде и ненависти, он продолжил заниматься наукой, а спустя какое-то время смог посмеяться над «авторами» принятого решения так же, как когда-то он смеялся над американцами.

Папа показывал нам письма из США, в которых сообщалось, что согласно американскому законодательству, использование метода Куропатенко и его упоминание в научных трудах подлежит оплате, соответственно, на имя автора метода Куропатенко открыт такой-то счёт в таком-то банке, куда регулярно перечисляются авторские гонорары, вот только получить их можно, исключительно прибыв в банк лично. Папа, показывая письмо, был весел и радостен. С одной стороны, несмотря на то, что во ВНИИТФ его научные достижения всячески замалчиваются, метод Куропатенко признан американцами и назван по его фамилии. С другой

стороны, как мне кажется, папе были смешны американские попытки «перекупить» его, считая, что деньги решают всё. Ни деньги, ни власть не влияют на вечные ценности, одна из которых – служение Отечеству, поэтому в смутные перестроечные времена папа все силы прилагал к поддержанию и спасению ядерного проекта, и оказался, как всегда, абсолютно прав.

После первой инаугурации президент Российской Федерации Путин В.В. в мае 2000 года приехал в РФЯЦ-ВНИИТФ, и сразу же был восстановлен гособоронзаказ, выросла зарплата сотрудников. И один этот факт полностью подтвердил правильность папиной позиции в предшествующие годы, ведь, несмотря на все деструктивные усилия перестроечного периода главное было достигнуто: Россия, по-прежнему, – великая ядерная держава. И в этом есть большой вклад папы, который в самое смутное время сберёг математические кадры и щедро делился своими научными идеями с учениками по всей стране.

В 2003 году я пропустила 70-летие папы, но он и тут сыграл свою роль. Когда в нашу жизнь стали стремительно входить персоналки, он в 2000 году приехал в Санкт-Петербург, и мы с ним купили мой первый компьютер. К 2001 году я освоила офисные программы и смогла внести в Excel и обчислить данные своих пациентов, а 23 декабря 2003 года защитила кандидатскую диссертацию. И хотя меня не было на юбилейных торжествах, свою защиту я приурочила именно к этой дате.

В последующие 15 лет нам с Ирой очень нравилось приезжать в Снежинск к 18 декабря. Какое же это восхитительное чувство сидеть с мамой и папой в большой комнате: на столе мамины разносолы и вкусности, папа наливает всем по бокалу шампанского, а потом достаёт любимый коньяк «Старая Крепость». Но всё это только внешние атрибуты, главное – четыре любящих друг друга человека вместе, рядом, и можно быть самим собой, ни под кого не подстраиваясь. В атмосфере душевной теплоты и безусловной любви появляется чувство защищённости и уверенности в том, что тебя любят такую, какая ты есть.

Мама и папа – это неразделимая на составляющие большая любовь к жизни и к людям. И я очень горжусь своей мамой, которая, несмотря на то, что папа покинул этот физический мир, и больше нельзя спрятаться в его нежных надёжных объятиях, продолжает жить за двоих, и по-прежнему дарит окружающим людям любовь и заботу. Спасибо Богу или Вселенной за то, что подарила мне счастье быть дочерью таких прекрасных родителей! Спасибо папе за все его уроки, преподанные так естественно, что только сейчас осознаю, что это были именно уроки. Спасибо тебе, папочка, за твою безграничную мудрость и безусловную любовь, за пример мужества и оптимизма в любых обстоятельствах. Как жаль, что нельзя продлить эту счастливую жизнь всем вместе, но, дорогие мама и папа, я верю, что мы сможем передать вашим потомкам частички лучшего, унаследованного от вас!